

Это бывает всегда: звонят из газеты, просят написать статью, — и пока разговариваешь с сотрудником газеты, кажется, будто так ясно и так близко все, что надо написать. Соглашаешься. А потом — сидишь писать и захлебываешься, захлебываешься от мыслей, которые хочешь высказать, от воспоминаний, от встреч с людьми.

Меня просят написать о советском гуманизме. И первое, что я вспомнила, — это рассказ Шолохова «Судьба человека». О нем и хотелось говорить.

Но что сказать? Пожалуй, только одно: я не имела права даже плакать, слишком много, слишком высоко переживали шоуменские герои, для того чтобы скрыть это великое чувство слезами.

Н. С. Хрущев, когда приезжал в Венесуэлу, так подробно и глубоко разобрал творчество этого нашего замечательного писателя, что мне трудно что-нибудь добавить. И вообще речь Н. С. Хрущева дала выход за пределы разбора творчества Шолохова. Это большой и глубокий разговор о том, что же такое советский писатель.

Мне хотелось бы сказать здесь об одном. Поселилось в нашей литературе некорочное слово — концептуализм. Спору нет, есть и такие, которые стараются как можно скорее написать на «кактальную» тему, не успев продумать и прочувствовать ее. Но если не пережита она душой, — все равно ничего не выйдет. Народ не приемет и книжку читать не будет. Пускай смотреть не будет. А выйти из кино, досадливо машины рукой.

Такие есть. Но, мне кажется, гораздо больше других. Разве может советский писатель не жить тем, чем сегодня живет его страна, чем она дышит, не думать о том, что еще надо поправить и улучшить, а что уже пошло на лад? Не может советский писатель не думать о завтра. И если он пишет об этом, нельзя оскорблять его меленским словом «концептуализм», потому что у настоящих советских писателей, — а есть они разные: и большого таланта, и меньшего, — одно сердце с нашей страной, и быть ей этому сердцу в разной с сердцем Родины невозможно.

Каждая настоящая книжка рождается бесконечными воспоминаниями, мыслями, волнениями, бессонные ночи. Многие вспоминались мне, когда я прочла «Судьбу человека». Вспомнилось мне, как я приехала в Абхазию, и оказалось, что множество семей усыновлено покровскими пionерами. И как бы ни баловали их, в трудные минуты, как солдаты мира, они звали свои посты.

Вспоминается мне еще другое. Во время войны я работала в «Пионерской правде». Получила задание редактора — в Щелково, принимать детей из партизанских отрядов. Никогда не забуду я азартом и мальчиков, которых привезли на самолетах в тыл учиться и расти. Их хотели снасти. Их передевали, отбирали у них оружие, и они на глазах переставались быть, бойцами и становились школьниками. А они не хотели быть школьниками, — слишком много накинело в грудь каждого из них. Одни из них кричали, плакали, другие молча забивались в угол, прижимая к груди гранату. Третьи показывали боевые медали.

Я разговаривала с одним мальчуганом из Белоруссии. Его синий взгляд был полон мольбы.

— Пустите обратно! Не довозят! Не могу!

На глазах у этого мальчугана эсэсовцы бросили в колодец живыми матерями, венценосные ночи. Многие вспоминались мне, когда я прочла «Судьбу человека». И, прижимая к себе ТТ и одноножку зайца, который остался от одной из сестренок, он обляпал, пытаясь сдержать слезы, как положено бойцу:

— Не могу я! Вы скажите там, где находитесь: Мне довозят сначала налож... А что фамилия моя Трус — так вы не думайте... Это по-белорусски «кропли» обозначает. Ну, Кроплики, допустим... У меня брат Летчик, герой, а я буду добывать учит!

Белка была ненависть этого мальчугана. И когда у него отняли ТТ, гранату и остались только тряпичного зайца, — не выдергал и заплакал. Так в слезах и заснул.

Раз забудешь такое! А я сидела подле него и думала: как с первых дней революции берегли и спасали в нашей стране детей! Ведь не случайно Феликс Эдмундович Дзержинский большевики поручили одновременно борьбу с врагами революции и заботу о беспризорных детях. Ведь не случайно тревожимся мы о судьбе малолетних, все время перебегая, растрачивая на уборке:

— Да, брат, хлеб-то шестой, а разговор тот самый: люд-ей бы сюда...

Он выговаривает «люд-ей» протяжно, и припоминается, что в точности так же жалобно говорила мне о главной нужде Алтай немолодая женщина из села Карабинка. А было это в минувшем году. Толковали, что вот они вокруг Карабинки отменинейшие луга — трава, что называется, в пояс, да видно так и скрепят ей неконченой — не хватает рук. И вот год прошел, и снова «люд-ей»!

Да, снова... Пострившись с Чарышем, еду по степи, еду день другой, третий, и с какой-то сотней километров это «люд-ей» звучит все гречче и гречче...

Навстречу по трасской дороге мчатся грузовики: везут в поля горючек — спасатели, котельщики, парикмахеры, счетоводы, студентов, — без них, без «варягов», как говорят здесь, и нынешне не обходится на уборке.

За многосторонним массивом склоненных хлебов показывается темно-зеленое склонничное поле. Скекла — ну просто диво-дивное, и радостно, что выросла она такая тут, на алтайской земле, и уже рождается загад: да если на совесть развернуть алтайской склонничине край этот засыпает всю Сибирь сажаром! Но тогда слышим от местного человека: «Легко сказать — развернуть! Скекла вам не пищеница, ей не один машинист, ей женские руки надобны! А где у нас люди?»

Под большими селом с мыльным называнием Чистюнька, окресты которого так видно, расположенное неподалеку, подбираем патерью «голосующими» и тотчас по говору узнаем в них жителей крайнего запада. Они и впрямь с запада, из-под Бреста, из селения Давид-Городок, плотники. Переселены?

— Не-ет, мы временные...

Это говорит старший — беловодский, рабочий, кипящий старик. «Давид-строитель», как окрестили его наш шофёр.

Хорошо было узнать, что Никита Сергеевич пригласил с собой в Америку Шолохова, который написал «Судьбу человека», судьбу солдата, потерявшего все, — и судьбу мальчика, потерявшего все, — людей, ставших отцом и сыном. Хорошо знать, что Шолохов сейчас вместе с Никитой Сергеевичем в Америке.

И все, кто с ним сейчас там, — это солдаты великой армии мира, это люди, которые хотят счастья всей земле, которые любят детский смех и свою родную землю, которые не хотят проглатывать никого в мире и не хотят мониторить никому в мире так, как он хочет.

И они продолжают прямую, убежденную линию большевиков с первого якобинского курса: «давид-строитель» и соглашаются на земле.

С большой речью выступил министр внутренних дел СССР Н. П. Дудоров.

Подробный отчет о совещании «Литературной газеты» опубликует в ближайших номерах.

Словами, которые сказал Н. С. Хрущев, для нас естественны, как дыхание. Он су-

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 118 (4084)

Четверг, 24 сентября 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

СОЛДАТЫ МИРА

Елена УСПЕНСКАЯ

и подоткнуть одеяло — так, как это умеет делать только родная мать.

Я помню, перед войной нам, старшекурсникам, казалось, что мы слишком балуем наших детей. Но мы воспитали в них главное. И, как эстафету, передавали творчество Шолохова. Это большой и глубокий разговор о том, что же такое советский писатель.

Сейчас многим ребятам эти времена уже кажутся легендой. Да это и есть легенда. Легендарны были подвиги юных Гагарина, старшины, помимо Олега Кошевого, старшины, которые не пережита она душой, — все равно ничего не выйдет. Народ не приемет и книжку читать не будет. А выйти из кино, досадливо машины рукой.

«Дневник писателя»

мел точно сформулировать единственно возможный для человечества путь, чтобы люди не уничижали себя и земной шар, на котором они живут.

Неужели наиболее разумные люди во всем мире этого не поймут?

А для руководителей государств разве есть что-нибудь более высокое, чем оставить после себя мир на многие века?

И в самом деле, хватит! Был ли в истории хоть один год, когда где-нибудь на земле не лилась человеческая кровь?

Хватит! Матери земли говорят это!

И когда я по радио услышала, как Никита Сергеевич Хрущев от имени всего народа предложил полное разоружение, у меня захватило дыхание.

Была ли еще такая речь в истории человечества? Говорили ли эти высокие, такие великие и такие простые слова?

И вся эта речь человеческая, каждым своим словом. И произнес ее руководитель не слабый маленький странник,

которая боялась войны, а руководитель, которой казалось, что мы слишком балуем наших детей.

Сколько же силы! Мы вынуждены готовиться к защите самого высокого на земле — мира.

И сами же предлагаем уничтожить армию и флот, обратить человечество к армии и флоту, чтобы оно не уничтожало мир на земле.

Однако же наше предложение не удалось!

Однако же наше предложение не удалось!</p

ЛУННАЯ СОНАТА

В Москве, в Нью-Йорке, в Ницце, в Сочи

Сейчас тематика одна:
В повестке дня, в повестке ночи
Стоял Ракета и Луна!
Луна... Поэты всей вселенной
О ней писали с давних дней.
Кориась «Дианой» и «Селеной»,
И в штате числились при ней.
С времен Гомера в мире старом
Она была аксессаром
Любовных встреч, волшебных снов
И элегических стихов.

Те дни прошли. Сквозь шум

московский,

Люв времен грядущих гул,
«Солнцепеклонники» Маяковский
Ее шутливо помянула.
На Марс отправиться не страусин,
Как представители Земли,
У А. Толстого Лось и Гусев
Луну сторонкой обвили.
В ее луках ходовых грелся
Герой Жюль Верна или Уэллса:
Пример прозрения ими дан.
Я и ценю. Но скоро, чую,
Сойдет за повесть бытовую
Их фантастический роман!

Нас не дивят полетов дальность,
Рейс на Луну — почти реальность.

Вот-вот писать придется мне

Не о Луне, а... на Луне.

Но нет! Не выйдет. Тема эта

Теперь не в ведении поэта.

Творцы стихов, из ваших рук

Ушла «Селена» (или «Диана») —

Она в руках Амбардумина

И Академии наук.

Ее пустынны ландшафты

Влекут ученых. Астронавты

Уже к открытию с Земли

Свой готовят корабли.

Вот-вот на кратерах мелькнут

Лунокорпы опытных фигуры.

И, не страшася температуры

В сто раз пониже нулевой,

Туда помчится Полевой.

Что ж, у него к полетам навык..

Уже в СП не счесть заявок

Бригад на... этих двадцать шесть.

Уже обиженных не счесть,

Уже какой-то кандидатик

На необъявленный полет

В местком седьмую спривку шлет,

Что он — наследственный лунатик,

И (справка клиники дана)

Ему «показана» Луна.

Уж лезут с просьбою докучной

Из книгохроники научной

Лететь готовые на риск —

Все атакуют лунный диск.

А что же поэт? Ужель поэту

Под поднунную давке места нету?

Ужель Луна, его Луна,

И вправь «другому отдана»?!

О нет! Поззион крыйлатой

Нигде не надобен ходатай —

Ее летучую мечту

Еда ли заменят скорый «ТУ»

И быстролетная ракета.

Но и помни: враг поэта —

Соблазн позиции смешной

«Ничто не ново под Луной».

Друзья, да будет ваше слово

К приятию нового готово

И да удастся вам (и мне!)

Воспеть успешно все, что ново

И под Луной и... на Луне!

ПО СЛЕДАМ ВЫСТАУПЛЕНИЯ
«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

На чем мы остановились?

Фельетон под таким заголовком был опубликован в «Литературной газете» № 38 за 1959 год. В нем говорилось о том, что на основании клематинских обиений была неправильно увлечена

версией о водородном источнике

или «водородной смерти» Вселенной.

Водород, этот основной строительный материал мироздания, как известно, беспредметно тратится, «перегорает» (превращаясь в гелий) в недрах звезд.

В самом деле. Силы, возникающие в связи с односторонним ходом времени, согласно теории Козырева, соразмерны массе (и скорости вращения).

А потому в таких гигантских вращающихся шарах, как звезды, должен находиться выход из энергии, созидающий с притоком ее от термодинамических реакций, идущих в недрах звезд.

Термодинамические реакции притом, как известно, не способны предотвратить «сползание» звездных миров по пути рассеяния энергии и постепенного превращения Вселенной в мертвую пустыню. Термодинамические реакции, иными словами, подтверждают действие второго начала термодинамики в такой же мере, как и все известные ранее природные процессы. Требуется вмешательство в ход событий совершенно нового фактора, нового закона физики, чтобы нейтрализовать, преодолеть действие второго начала. Именно это «недостаточное пособие» приводит к «второму закону термодинамики».

В самом деле. Силы, возникающие в связи с односторонним ходом времени, согласно теории Козырева, соразмерны массе (и скорости вращения).

А потому в таких гигантских вращающихся шарах, как звезды, должен находиться выход из энергии, созидающей с притоком ее от термодинамических реакций, идущих в недрах звезд.

Все новые и новые факты науки приводят к этой глубоко диалектической идеи. Достаточно сказать о следующем эпохе недавнем открытии нашего знаменитого астрофизика Виктора Амбардумина, доказавшего факт беспрестанного формирования в холодном мировом пространстве новых горячих светил. Мысли о «третьем» законе природы самостоительно приходили и биологии. Ведь жизнь, если рассматривать ее физико-химическую сторону, развивается как раз в направлении наибольшей концентрации энергии, при нарушении равновесия и покоя. Стремление к концентрации материала и, соответственно, проявляющее себя на всех этапах истории и во всех узловых точках космоса!

Весьма вероятно, что вращение звезды, если рассматривать ее физико-химическую сторону, развивается как раз в направлении наибольшей концентрации энергии, то есть вращение целого исполненного звездного ряда — Галактики сопровождается опять-таки «коэффициентом материала», может быть концентрируется в виде частиц вещества — атомных ядер водорода?

Теория, предсказывающая столь необычайные и диковинные явления природы, разрабатывается успешно.

Как обстоят дела с ее экспериментальной проверкой?

Еще к моменту печатания и выхода в свет книги Н. А. Козырева были получены первые результаты лабораторных опытов, поставленных автором теории в сотрудничестве с молодым учеником, оклеветавшим тов. Сергееву.

На лиц, оклеветавших тов. Сергеева, наложены взыскания.

Размышления у шестого хлеба

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Размышления о «коэффициенте материала» и не запаренными, этот метод, который опровергли себя на Украине и на юге России, — он же несказанно вырывает сибиряков. Считайте: если в мае выплыть на берега речек, озер четырехмесячных поросли и пасти их и потечевать сухим кормом, то к осени эти поросли превратятся в шестиподовых сибиряков! И все это без затрат на строительство, на водопровод и автомобили, а главное, без ручного труда.

Ну, а как быть с доярками? Что

ответить Владимиру Макаровичу Савинскому, который, отыскивая на рынке двадцать доярок для трех сотен коров, самолично отправлялся на дойки?

По правде сказать, уже в тот вечер я знал, что ему ответить, да и он сам отлично знал этот ответ. Я видел своими глазами, как с тремя сотнями коров управляются не двадцать, а всего четыре доярки. Только четыре, а это значит, что двадцать доярок смогли бы обслужить не триста, а полтысячи коров, то есть решини «доярочную» проблему совхоза на целое семилетие...

Этой весной я был свидетелем того, как в Павловском районе Кубани ввели новую пропашную и бносовлюно дешевую технологию производства молока, или, как зовут ее, — беспринципное содержание молочного скота...

Беспринципное! Сколько лет зоотехническая наука твердила, что смысл механизации ферм состоит в том, чтобы корова стояла в стойле, а механизмы подавали ей корм и воду, и к ней же, к корове, шла бы доярка с доильным аппаратом, а потом от нее, от коровы, уйдешь назов... Скотные дворы насыщали «персональной» механизацией: автомолоками, трубами, рельсами, вагонетками. Ни какую корову расходовали два с половиной центнера молата, и чего же достичь? Устраивали ручной труд? Нет, доярка и при «персональной» механизации вила раздавала корм, и вилами грузила навоз, и надавливала на тяжелые флаги... И обслуживала доярка пятнадцать, от силы двадцать коров.

А чего достигли там, где отвязали коров? Там устроили скотные дворы-сарай без полов, без кормушек, без автопоилок и подвесных дорог. Там, до-

ЗАКРЫТА НА ОБЕД

ФЕЛЬТОН

Что, я не имею права перед отходом поезда пощечину свою жену? — надрывалася гражданин.

— Покупайте перонный и целуйтесь сколько влезет! — отвечала невольная глыба.

Бросив сумасшедший взгляд на северную вдаль кассу и выкрикнув ужасное проклятие, гражданин быстро на выключил на жену огромные чесодамы, нервно чмокнув ее в подставленное ухо и прохрипел: «Беги!»

Но было поздно. Паровоз фыркнул, прошипел что-то издавательское и... Вы никогда не опаздывали на поезд?

За вход на перрон берут деньги, как за осмотр зоопарка. Но в зверинце хоть можно пережить острые ощущения, побравировав своим бесстрашием в клетки с тигром. Но почему провожающий гражданин должен платить рубль за прощальный поцелуй?

Дело не только в бесполезной для провожающего трате этого радового денежного знака. С этим еще, если скажут зубы, можно примириться. Но если человек опаздывает, если ему дочка каждая секунда, он не хочет тратить эту каждую секунду у кассы, выставив в очередь и конкурировав взадиром за вагончики на поезд.

Кому он нужен, этот рубль? Может быть, без него доходность железных дорог будет подорожать? Живя, товарищи, чепуха. Доходы от этого рубля с лхой поглощаются содержанием могучей армии кассиров, контролеров перронных билетов и прочих железнодорожных аргусов.

— Ежели отменят билеты, — порядку не будет на перроне, — степенно почтят глыбу.

Почему не будет? Это нам что-то не понятно. Может быть, тогда перрон станет для пожилых излюбленным местом прогулования короткохвостых собак? Или отдохнувшие, забросив пляжки и сосновые боры, помчатся на перрон, чтобы флангировать по растянувшимся аллеям.

А ведь еще одна картина, взятая из быстрых жизни. Изменяющиеся от ярких горожан экзанды разноцветной птицей движутся к реке. Все они, стихийные физики,аждут переноса воды излишек своей температуры. Но вот передние ряды приходят в смятение: на воротах купальни висят огромный амбарный замок. Администратор охотно поясняет:

— Не волнуйтесь, граждане. Обслуживающий персонал закрыт на обед!

От этой истории малость попахивает вымыслом. А ведь с такой ситуацией мы сталкиваемся почти каждодневно. Вот, скажем, час дня. Развязая огромную склонность чмататься в единственно возможном месте, охватывающим в окрестностях птицеблоку бухгалтеры, машинистки и плановики. После короткой свалки у дверей счастливчики захватывают места. Остальные, — а их очень много, — предаются мучительным думам: какими образом ввести в организм потребный минимум белков, жиров и углеводов? Где их доставать, если продовольственные магазины безлюдны?

Магазин закрыт на обед. Закрыт именно тогда, когда жалудки служилой массы начали испытывать особенностями острой нужды в калориях. И за прикрытой дверью равнодушно лежат сны, склонившиеся к земле, сожмавшие к правильному обмену веществ. И нельзя их лишить дверя, да ради зеленого друга. Они отлично могут ужиться вместе.

А вот что касается заборов, — извините, здесь комирами быть не может. Отжили свой век деревянные излишества. Как-то дико видеть шестиконечного красавца с ожерельем из пригожих тесов!

Да, есть еще нелепости, и надо смело и самокритично признать этот суровый факт. Раз уж мы о них заговорили, то никак нельзя не рассказать комишарную историю, происшедшую на одном из московских вокзалов.

До отхода поезда осталось меньше пяти минут, когда в вагоне подбежал он, навыченный членом, и она, скимая букет фиалок, тоненькими пальчиками

закрыла дверь из-за быстрых пассажиров.

— Успели! — торжествующе воскликнул он и ринулся на платформу.

Но в узеньких, рассчитанных на талию балерин воротах перрона вырвалася черная чугунная глыба с красной полоской на пульмановского вагона.

— Вагон билеты! — сказала глыба голосом, в котором слышалася скрипка.

Оладьевница фиалок торопливо раскрыла сумочку и вытащила билет.

— А перронный — на гражданина?

Опубликован 8 августа «Заметки о критике» С. Смирнова, редакция «Литературной газеты» пригласила критиков, писателей и читателей принять участие в обсуждении насущных проблем нашей литературной критики.

Статья писателя С. Залыгина мы начинем диксессионный разговор о состояниях и задачах нашей литературной критики.

ида такие-то темы. Пожалуй, писатель основал это сделать, высказать свою точку зрения.

У нас каждого, кто пишет рецензии, называют критиком. В обходе говорят «критик» — понимают «рецензент», говорят «рецензент» — понимают «критик». А так как рецензии пишут все (во всяком случае, все писатели), то все мы иходим в западных критиках. Справедливо ли это?

Рецензия нам не то что нужна, она необходима, как воздух. Однако всем ясно, что критический жанр рецензий далеко не исчерпывается, так же как, скажем, очерк не исчерпывается прозой. К сожалению, рецензии занята у нас в критике непомерно большое место, оттесив собой главное в ней — литературно-критическую статью.

Критика наша, как и вся литература, основывается на марксистско-ленинской эстетике. Эта эстетика определяет задачи художественной литературы, формирует и самого художника. Что касается фактов, того конкретного материала, который критика с присущими ей идеальными позициями анализирует и обобщает, то эти факты являются литературными произведениями и отчасти (уже не как исходный материал, а как «полубаффики») рецензии на эти произведения. Идеи соприкасаются с фактами не непосредственно, а через литературно-критические статьи, исследования, монографии, обзоры и т. д.

Занимаясь вопросами теории литературы, мы порой из-за леса как бы не видим деревьев, не видим конкретных литературных произведений, ведь рассуждения отвлечены. Когда же рецензируется то или иное произведение, нередко из-за деревьев не видно леса, отсутствуют серьезные и оригинальные теоретические исследования.

Что лучше, что хуже — нет смысла уточнять здесь. И то и другое — плохо. И происходит это очень часто потому, что мы не видим достаточно внимания литературно-критической статье, заменяя ее рецензией. А ведь как важны обобщения, рассуждения, касающиеся не только данного конкретного произведения, но и той стороны литературного процесса, к которой это произведение относится. Как важно рассмотреть данное произведение не изолированно, а как часть всего творчества писателя, понять, какие страницы своего дарования автор развивает, как использует он свой собственный предшествующий опыт.

Критик, пишущий о работе писателя, всегда в какой-то мере должен быть его монографистом. Но монографические статьи — следующая за рецензией ступень — у нас в реальности. Сколько, скажем, появилось статей о романе «Битва в пути?» Нестя числа. А многие ли из них как-то связывают эту книгу Галины Николаевой с ее «Жатвой», с «Повестью о директоре МТС и главном агрономе?» Несколько.

Сколько раз во всех падежах упоминалось имя Гавриила Троепольского? Бесчисленное множество. Но поищите толковую статью с анализом творчества этого своеобразного, необычайно многообразного и талантливого русского писателя. За исключением нескольких умных, но далеко не исчерпывающих статей Я. Эльсберга, ничего не найдете.

Попадут в поле зрения наших критиков три-четыре романа, и что ни день — новая рецензия на них. А много ли написано в центральной печати о творчестве Н. Задорнова, о его великолепных романах «Амур-баташка» и «Капитан Несвельской»?

Нужна нам опора на критические статьи — живые, наущенные, предметные — когда мы спорим с нашими противниками, стремимся теоретически обосновать факты, существующие в действительности, факты, показывающие, что советская литература достигла больших высот, что она сумела ярко показать нового человека, что метод социалистического реализма — метод новаторский и плодотворный.

До тех пор, пока в нашей критике господствует рецензия, многие наши подобные утверждения будут носить декларативный оттенок. А это тем более обычно, что на самом деле мы имеем ра-

КРИТИК ИЛИ РЕЦЕНЗЕНТ?

Мы ЧАСТО говорим писателям о его заслугах, о его обязанности быть в самой гуще жизни; литературная критика и дело подскаживает ему темы: надо отобразить то-то и то-то...

Сергей ЗАЛЫГИН

зительные факты, на основе которых можно в дым развеять наветы на советскую литературу! С противниками наших нужно бороться не одними декларациями, не разобщенными фактами, а вместе с ними борьбы позиционную — один за другим отбрасывать рубежи и выходит.

Вот, говорят иные, в произведениях советских писателей любят обличены. А если бы нашелся критик, который написал бы статью, скажем, на тему: «Женские образы в военных романах советских писателей», или, вернее, «...советских и западных писателей», — посмотрели бы мы, где и кто обличает людей!

Нам нужны критические статьи на темы «технические», если так можно выразиться, на темы «мастеровые». Например, статья о новаторстве советской литературы. О логике художественного произведения. О кругозоре писателя. О народности партийности его творчества.

В поле зрения рецензента далеко не всегда вмещается широкий круг различных литературных явлений. Он видит только произведения писателя, а ведь писатель-то выступает в разных качествах. Вот у нас в Сибири русский писатель А. Кончаловский десятилетиями следил за становлением и развитием литературы Горного Алтая — пишет о ней, помогает ей, ведет дружбу с алтайскими писателями и издателями, выступает как монографист творчества Павла Кучиня, первого, безвременно умершего, писателя-алтайца. Но в критике я встретил упоминание об этой стороне деятельности писателя лишь однажды.

Мало у нас критических статей на критических статьях, мало добрых полемических, которая всегда привлекательна, всегда рождает истины.

Всё и всегда у нас в стране принято отвечать на печатную критику в печати же. И только в литературе стиль другой — здесь плохим тоном считается, если писатель отвечает критику. А почему? Разумеется, нельзя такие споры между критиком и писателем возодить в правило, но ведь исключительно-то выходит чисто интересное правило. Можно даже издавать время от времени сборники острых полемических статей!

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ, которое не-редко сводится к оценке любого произведения по пятибалльной системе, мешает нам еще в одном очень важном деле — в воспитании молодежи. Начинающий писатель прежде всего сам усваивает эту школу оценок и в учительских своих и наставников он видит таких вот «оценников». Учителя же иной раз подтверждают подобное представление о себе, что есть сил...

А консультанты, которые помогают молодым! Они ведь выступают прежде всего как критики. Молодой автор для них — творческий объект. Но опять-таки объект, требующий серьезной, широкой критической статьи, а не только рецензии.

Недавно в редакцию «Сибирских огней» поступила рукопись романа. Автор, студент Литературного института, сопроводил ее копиями рецензий, полученных им в разное время.

«Почти два года прошло с тех пор, как я читал второй вариант этого произведения... за эти годы автор трудился не только над романом... его рассказы и очерки... даже перепроверялись на конкурсах», — пишет рецензент из Союза писателей РСФСР. — «Все еще неровен

язык романа, что особенно видно в описаниях, связанных с трудом рабочих в цехах...» «По-прежнему «голубятину» в романе главный герой...» «Из «отрицательных» персонажей теперь острее показан лжеактивист...» «Но все эти, пусть и многочисленные еще, частоты не заслонят от внимательного читателя серьезные достоинства романа в нынешнем его варианте...»

Второй ценитель идет тем же путем, вымощенным штампованными рецензиями, но только идет дальше:

«Работа над произведением заняла у автора шесть лет...» «Уже в тексте рассказов заметили были талант молодого про-зака, его умение работать над словом, создавать живые картины природы, выбирать простые жизненные сюжеты, освещать их светом нашего советского отображения к жизни и тонко передавать духовные движения...» «Но, как и всякое новое явление советской художественной литературы, повесть не пронестиется на стволе радиатора в окончательно отсталом и отшлифованном виде. Она нуждается в редактировании и некоторой авторской доработке...»

Все это — и по «глубине», и по «изяществу», и по уровню выдаваемых не-опытным еще автором авансов — первые казенными рецензентами искусства. Не хочется скромничать, разом все рецензии и всех рецензентов. Скажу только, что привыка многократно рецензировать произведение там, где требуется определить уровень художественного письма, сильно нарастит. Сосчитать, на скольких совещаниях молодых, совещаниях зональных, на скольких «срэдах» и «четвергах» эта вот рукопись обсуждалась за шесть лет! И все — рецензии, рецензии... И — что хуже всего — мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

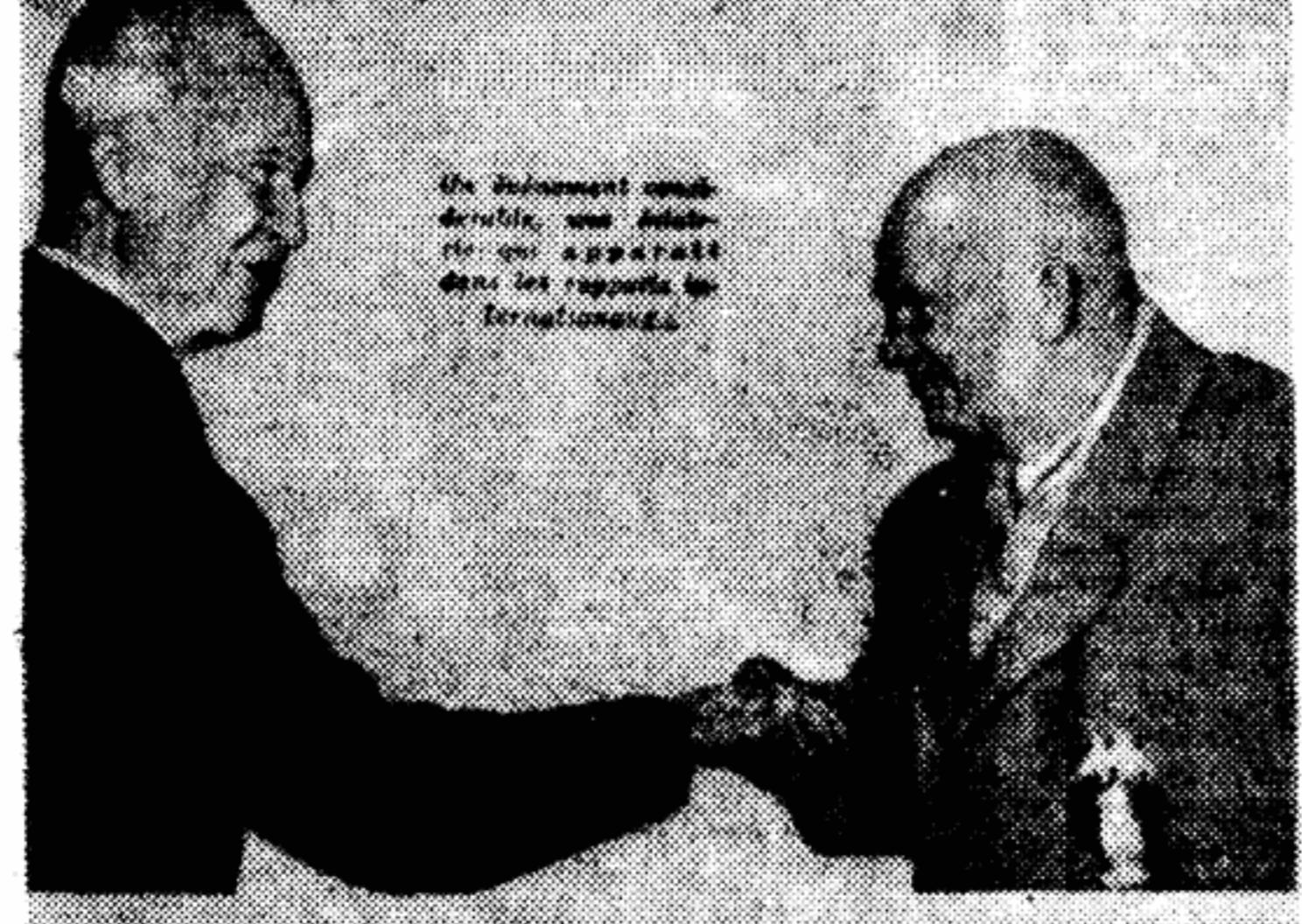
мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

мы, выступая в роли рецензентов, по-своему правы: рано или поздно мы доведем рукопись до «дела» — будет повесть, будет роман, «не хуже других романов и повестей. Только вот будет ли романист, будет ли писатель — над этим мы

ЭТОТ СНИМОК ОБОШЕЛ ВЕСЬ СВЕТ

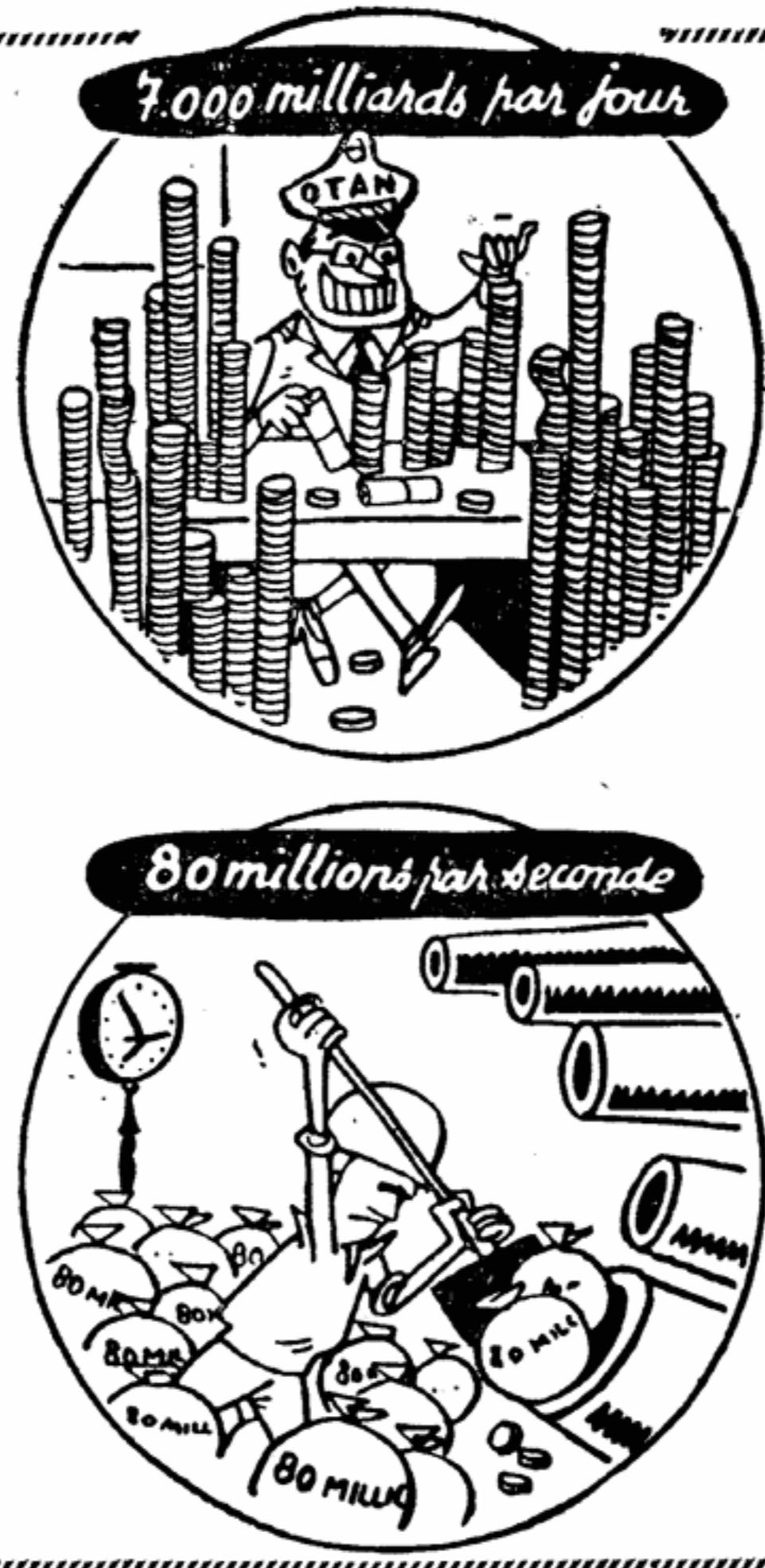
Никита Сергеевич Хрущев и президент Эйзенхаузер пожимают друг другу руки... Этот снимок обошел весь свет, приводя радостные надежды в сердцах миллионов людей.

В органе французских профсоюзов, еженедельнике «Ви уврнер», это фото сопровождается подписью: «ЕСЛИ БЫ ПРЕКРАТИЛАСЬ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА...»

Если прекратится холодная война, если будут осуществляться ясные и благородные предложения о полном и всеобщем разоружении, человечество сумеет высвободить огромные силы и средства для созидательных целей.

На рисунках, которые «Ви уврнер» поместил рядом с этим фотоснимком и которые мы здесь воспроизводим, приводятся страшные цифры, характеризующие колоссальные военные расходы Атлантического блока. Пятнадцать стран — участниц Североатлантического пакта — НАТО → ЕЖЕДНЕВНО гратят на военные цели 7.000.000.000.000 (семь триллионов!) франков, — указывает еженедельник. Это означает, что гонка вооружений в этих странах, иначе говоря, производство орудий смерти, поглощает 80 МИЛЛИОНОВ ФРАНКОВ В СЕКУНДУ.

«Если прекратится холодная война, смогут быть удовлетворены многочисленные мирные нужды», — заключает «Ви уврнер».

Верная мысль в нужное время

Джанин РОДАРИ, итальянский писатель

Я ЖИВУ в стране, где люди свято следуют вековым традициям; в Риме — главном центре католической церкви, которая так мастерски, так хитро орудует тончайшими оттенками различных понятий, ибо она унаследовала искусство софистики и ходячей логики; в мире газет, где человеческая мысль бродит сама по себе, не материализуясь, а люди пользуются ею с такой же уверенностью, как шифер, ведущий свою машину направо, налево или вперед по своему усмотрению, но следуя правилам уличного движения и требованиям знаков, установленных муниципалитетом на перекрестках. По этим причинам и еще по многим другим, перечисленным которых я не хочу утруждать читателей, мне было очень легко представить себе 18 сентября вечером, — когда я услышал по радио первые вести о предложении Никиты Сергеевича Хрущева на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, — как эти сообщения будут выглядеть на страницах газет итальянской буржуазии. Я мог бы держать пари (и, конечно, выиграл бы), что одна газета будет твердить о «пропаганде», другая станет выискивать некие различия между речами «для публики» и «среди дипломатов», третья перечислит все отрицательные комментарии прессы, тщательно обходя положительные, четвертая главной темой изберет цвет галстука у главы Советского правительства, и так далее, и тому подобное.

Надеюсь, читатели поняли смысл этих рассуждений. Я хочу подчеркнуть, что уже начался обходный маневр, уже выпущены первые облака дымовых завес, при помощи которой буржуазные газеты пытаются скрыть от читателей сути предложений Хрущева.

Я не обвиняю своих коллег в профессиональной нечестности, во-первых, потому что они этого не заслуживают, а во-вторых, потому что они прежде всего — журналисты. Они журналисты даже прежде, чем реакционеры (когда они ими являются).

Наш Грамши говорил, что «истина всегда революционна». Приходится признать, что подчас и буржуазные газетчики — я говорю об итальянских — даже против своего желания становятся «революционерами». Как журналисты, они предпочли бы, чтобы им отрубили руки, лишь бы не пропустить сенсационного известия. Вот почему вое буржуазные газеты, включая сюда и фашистскую, приводят обширные выдержки из речи Хрущева, сопроводив, окружая и подчеркивая отдельные места полемических комментариев, часто тенденциозными.

Но при этом нельзя забывать об одном немаловажном факторе: итальянский читатель газет, даже буржуазных, отлично умеет читать между строк; патриотическая гордость вынуждает меня считать итальянского читателя газет самым хитроумным в мире. Ему достаточно одного взгляда, чтобы отличить факты от комментариев, новостях — от вымысла, дыма — от огня. Он, несомненно, разберется в значении советских предложений о всеобщем и полном разоружении.

А значение их огромно. Это видно хотя бы по тексту, отведенному им в газетах. Лишь немногие сообщения о советских предложениях за последние годы были так широко освещены буржуазной печатью, как речь Хрущева в ООН. Ни один из лозунгов, выдвинутых после войны, не смог прозвучать с такой силой, как простая фраза: «Давайте полностью разоружаться!», покорившая все общественные мнения Италии.

И не стоит сердиться на буржуазных журналистах, итальянских или иных; бессмысленно было бы обижаться на дипломатов по профессии, на наконец языке они ни говорили. Несмотря на предупреждения таких авторитетных лиц, как Бертран Рассел или покойный Альберт Эйнштейн; несмотря на такое из ряда вон выходящее событие, как путешествие «коммуниста № 1» по Америке, в результате которого даже самые неосведомленные

имеют возможность узнать, что такое Советский Союз и что он добивается; несмотря на космическую ракету, доставившую на Луну вымпел с изображением серпа и молота, — несмотря на все это, в газетах и в дипломатических кругах продолжают оперировать устаревшими, отжившими понятиями, которые были в ходу до атомной энергии, до спутника, подчас даже в девяностом веке. Но, повторю, не стоит обижаться — нельзя требовать, чтобы журналисты и дипломаты винзапно, за какой-нибудь час, например за тот час, который прошел от начала речи Хрущева до оваций, которыми эта речь окончилась, поняли, что предложение о всеобщем полном разоружении, которое должно быть проведено за четыре года (причем исчезнут посты министров обороны) и разойдутся по домам миллионы солдат, говорящих на двухстах языках), не имеет ничего общего с утопическими мечтами пацифистов прошлого века или даже пацифистов нашего века, появившихся после первой мировой войны. Ведь они, эти журналисты и дипломаты, до сих пор не могут понять, что социализм из утопии превратился в них путь. Но если смотреть на них сверху, исходя из будущего (скажем, с Луны), то ничего сложного мы не увидим. Наоборот, достойно удивления, как эти люди не сразу нашли верный путь, если у них есть воображение и добрал воля. Ведь дело не в том, что, скажем, Луны первыми достигли советские люди, — важно, что коммунисты сумели первыми увидеть с практической ясностью, со смелостью не только ума, но и воображения, тот путь, по которому должно следовать человечество, если оно не хочет погибнуть.

Речь главы Советского правительства горячо одобрена во всех странах, на всех континентах — в Европе, в Америке, в Африке, в Азии; особенно это касается той ее части, где Хрущев называет все страны по-новому, смело оценив возможности для ликвидации войны.

Каждое предложение должно быть внесено в подходящий момент. Сегодня от речи, призывающей к разоружению, уже нельзя отмахнуться. Всплыли дымовые завесы, дезинформация и обманные маневры, для того чтобы исказить смысл этой речи или преувеличить ее значение, обречены на скорую и полную неудачу. Верная мысль в нужное время! Именно этого мы и ожидали от Советского Союза; так он и поступил. Мне кажется, что я не преувеличу, сказав, что долг народов страны социализма еще более возраст. И еще мне кажется, что я не ошибусь, считая, что это является логическим продолжением политики Ленина. Я думаю при этом о призывах к миру, которым Ленин обратился ко всем народам сразу же после Великой Октябрьской революции. Советский Союз обращается теперь к народам на том же языке, и слова его проникают сегодня в самые глухие уголки земли и в самую глубину человеческих сердец.

Рим, 23 сентября. (По телеграфу)

Спасибо, Фриско!

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

существенную поправку в странную «традицию» американской демократии, которая состоит в том, что народ думает одно, тогда как власти и особенно газеты творят противное. Чтобы не быть голословным, приведу несколько случайно и не случайно услышанных суждений.

Хозяйка галантейного магазина окажет гавани, вышедшей посмотреть, что происходит на улице:

— Очень рада видеть русских! Я никогда не верила, что вы хотите войны с нами! Уж если кто особенно ненавидит войну, так это мы...

— Шофер такси Генри Бумбас:

— Нашим газетам никогда не верил!

Самые простые вещи вывертывают наизнанку!

Две рабочих, вернее безработных, приехавших в Сан-Франциско искать работы, — говорит он, — выражают мысли — от вымысла, дыма — от огня. Он, несомненно, разберется в значении советских предложений о всеобщем и полном разоружении.

А значение их огромно. Это видно хотя бы по тексту, отведенному им в газетах. Лишь немногие сообщения о советских предложениях за последние годы были так широко освещены буржуазной печатью, как речь Хрущева в ООН. Ни один из лозунгов, выдвинутых после войны, не смог прозвучать с такой силой, как простая фраза: «Давайте полностью разоружаться!», покорившая все общественные мнения Италии.

И не стоит сердиться на буржуазных журналистах, итальянских или иных; бессмысленно было бы обижаться на дипломатов по профессии, на наконец языке они ни говорили. Несмотря на предупреждения таких авторитетных лиц, как Бертран Рассел или покойный Альберт Эйнштейн; несмотря на такое из ряда вон выходящее событие, как путешествие «коммуниста № 1» по Америке, в результате которого даже самые неосведомленные

слушать Хрущева. «Вот это ответ!» — говорит один посетитель. — Защиты мэра Лос-Анджелеса, простили ближнему его грехи». «Блестящий!» — воскликнет другой, вместе со всеми аплодируя словам Хрущева о том, что неудачные речи бывают у всех, в том числе у него самого, а потому следует извинить мэру Лос-Анджелеса его неудачную речь. И по другим рецептам визим, какое огромное впечатление произвело выступление Н. С. Хрущева. Сожалеющим покидает кафе — надо спешить на новый самолет...

Что касается местной прессы, то две ведущие газеты Сан-Франциско — «Сан-Франциско кроник» и «Сан-Франциско экзэмпнер» встретили Хрущева по-разному. «Кроник» более верно отражала настроение сограждан. Вдвоем с коллегой-журналистом мы посетили эту редакцию. Нас любезно принял дежурный редактор г-н Гордон Нейт. «Добрые слова по адресу советского премьера на наших страницах», — говорит он, — выражают мысли редакции и наших читателей. Хотя нашли рекомендации, которые звучали в редакцию, выражая неудовольствие...

Сан-Франциско прекрасен и полностью застывает того отзыва, который дал ему Хрущев: замечательный, цветущий, солнечный город. Город раскинулся на больших холмах. Прямые, как во всех американских городах, стриты и авеню поднимаются вверх под углом 45 градусов, то идут круто вниз. Колоритен бешено сохранившийся трамвайчик, выполняющий функции фуникулера. Непроторимая красота города подчеркивается открытыми со всех высоких мест виадуками на залы. Два громадных моста — подлинное чудо строительного искусства. Конечно, неравнозначны кварталы центра и окраины, да и в центре расположены так называемый китайский «город», где живут китайцы, покинувшие родину еще в тяжелые времена колониальной зависимости. Тут говорят, что в подавляющем большинстве это — горячие патриоты Китайской Народной Республики.

Быть — по другую сторону океана.

Быть, наконец. Тихий океан станет великим океаном, объединяющим народы.

М. Тенгин (чит. автока), 23 сентября. (По телеграфу)

Х. ДЖОНСОН,
настолатель
Кентерберийского собора

Восстановить права Китая в ООН!

Китайская Народная Республика должна занять свое место за столом ООН. Таково настойчивое требование мировой общественности. Об этом говорят на очередном планетарном заседании Генеральной Ассамблеи представители многих государств. Делегат СССР В. В. Кузнецов, подчеркнув, что восстановление законных прав КНР в ООН одна из важных и актуальных задач, заявил: советская делегация самим решительным образом поддерживает предложение индийской делегации о внесении в повестку дня сессии Ассамблеи вопроса о представительстве Китая в ООН.

Сегодня мы публикujemy написанное для «Литературной газеты» статью настолателя Кентерберийского собора Х. Джонсона, отражающую мнение широких кругов на Западе по этому вопросу.

УСПЕХИ Китая производят огромное впечатление. Трудно переоценить влияние расцвета китайской промышленности и сельского хозяйства в Индии, Индонезии, Африке, Южной Америке, Японии и другие страны. Небывалый взлёт китайской экономики стимулирует требований реформ во всех слаборазвитых странах.

Успехи Китая, одной из крупнейших держав мира, дают ему полное право на решающий голос в Организации Объединенных Наций. Возвращение Китая его законного места в ООН сделает эту организацию всеобщей — такой, какой она должна быть.

Очень важно вспомнить, на каком фоне происходят эти события. Ведь речь идет не только о феноменальном подъеме страны, равном по площади и населению многим западноевропейским государствам, вместе взятым. Речь идет о переходе народа, составляющего четверть всего человечества, в новую, социалистическую эру. Это значит, что значительная часть населения земного шара встала на путь социализма и пошла по нему вперед.

Западный мир, возглавляемый США, делает все возможное, чтобы задержать развитие Китая. Его отказ признать законное право Китая в ООН, любые другие усилия помешать великому народу, любое эмбарго на ту или иную товары обращаются против их инициаторов. Так, например, Америка наложила эмбарго на вывоз в Китай джута. Реакция Китая была буквально мгновенной. Началось немедленное массовое выращивание этой культуры и ее обработка. То же самое можно сказать и об американском эмбарго на нефть. Оно побудило Китай заняться разведкой собственных нефтяных месторождений. С помощью Советского Союза часть их уже открыта и эксплуатируется. Вскоре Китай будет совершенно независим от иностранной нефти.

Промышленную и сельскохозяйственную страну, вступающую в первую очередь из наиболее развитых стран мира, нельзя игнорировать. Невозможно не считаться с ее производственным потенциалом, с ее политической мощью. Поистине Китайская Народная Республика становится одним из ведущих факторов ХХ века.

«Хрущев может не сомневаться, что его предложениям аллюрирует весь мир», — пишет в передовой статье газета, близкая к правительству. «Хрущев может не сомневаться, что его предложениям аллюрирует весь мир», — пишет в передовой статье газета, близкая к правительству. «Хрущев может не сомневаться, что его предложениям аллюрирует весь мир», — пишет в передовой статье газета, близкая к правительству.

Конечно, и в Австрии еще действуют «круги, препятствующие ослаблению международной напряженности и смене семена новых конфликтов» (Хрущев), люди, которые «цепляются за наследие «холодной войны», которые находятся за пределами контроля. Ведь заявляла же одна венская газета, которая играла первую скрипку в кочевании централизации пропагандистов новой войны, будто советский премьер-министр вообще ничего не говорил о необходимости международного контроля!»

Но разве могут эти жалкие провокационные попытки окончиться чем-нибудь иным, нежели позорным провалом? Народы их не поддержат. Мир без страха — вот о чем мечтают народы. Надо искоренить «холодную войну», как заразную болезнь. Крестовые походы в век полетов на Луну могут думать лишь сумасшедшие.

Зажглась великая надежда! Тот, кто попытается погасить эту искру, покроет свое имя позором. Люди верят, что начинается новая глава истории.

Вена, 23 сентября. (По телефону)

Современная литература Америки была посвящена этому вчера. Собрание «Вторник» «Литературной газеты» с большим вниманием слушали советские народные художники СССР, скульпторы М. Г. Манизера о его недавнем пребывании вместе с группой деятелей культуры в США.

— Во время этой поездки, — сказал М. Манизер, — мы побывали в крупных городах, в сельских местностях,знакомились с театральной жизнью, изобразительным искусством и бытом страны. Больше всего нас запомнились встречи с простыми людьми.

Затем были продемонстрированы две киноленты Центральной студии документальных фильмов. Вместе с шестью представителями молодежных и студенческих организаций СССР, снявшими картину «30 дней в Америке», участники вечера проехали десять тысяч километров по дорогам этой страны. В заключение было показано фильм «Советскому балету рукоплещет Америка».

Недавно в СССР издан том избранных произведений Эдгара По. Достаточно сказать, что годы Советской власти в общеизвестной книге «Американская трагедия» Т. Драйзера, на котором изображена сложность около ста миллионов экземпляров, помимо прочего, изданы в двухтомном издании «Красный пролетарий», помогающее Гослитиздату осуществлять его экспериментальные издания.

Кто же из американских писателей особенно популярен в СССР? Джек Лондон за последние пять лет издавался 56 раз общим т